

м а с т е р к р и м и н а л ь н ы х т а й н

Чингиз АБДУЛЛАЕВ

**Апология
здравого смысла**

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А13

Разработка серии *А. Сауков*

Иллюстрация на обложке *В. Петелин*

А13 **Абдуллаев, Чингиз Акифович.**
Апология здравого смысла / Чингиз Абдуллаев. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с. — (Абдуллаев. Мастер криминальных тайн).

ISBN 978-5-04-185920-6

Он насилует и убивает, а на досуге пишет романы. В них он смакует мельчайшие подробности своих преступлений. Эксперт-криминалист Дронго вычислил маньяка, но доказать, что это именно он «автор» и романов, и преступлений, не удастся. Мало того, преступник настолько изворотлив, что «подставил» напарника Дронго, и того арестовывают. Похоже, маньяк обыграл сыщика вчистую. И все же последний ход остается за Дронго...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-185920-6

© Абдуллаев Ч.А., 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

«— Ой, как нехорошо, — отозвался Бильбо. — Разве это не тема для сумасшедших?

— Почему? Сумасшедшими я как раз и занимаюсь. Они герои большинства документов. Вы что, соприкасались с этой темой?

— Я служу в издательстве, а в издательствах одна половина посетителей нормальные, другая — сумасшедшие. Задача редактора — классифицировать с первого взгляда. Кто начинает с тамплиеров, как правило, — псих.

— Можете не продолжать. Их имя легион. Однако не все безумцы начинают с тамплиеров. Как вам удастся опознавать прочих?

— Есть технология. Могу вас научить как младшего товарища. Кстати говоря, как вас зовут?

— Казобон.

— А это не герой «Миддлмарч»?

— Не знаю. В любом случае был такой филолог в эпоху Возрождения. Но он мне не родственник.

— Ладно, замнем. Выпьем еще чего-нибудь?
Еще две порции, Пилад.

— Спасибо. Итак. Люди делятся на кретиннов, имбецилов, дураков и сумасшедших.

— Кто-нибудь остается?

— Я-то уж точно. Хотя и вас обижать не хочется. Если сформулировать точнее, любой человек подпадает под все категории по очереди. Каждый из нас периодически бывает кретином, имбецилом, дураком и психом. Исходя из этого, нормальный человек совмещает в разумной пропорции все эти компоненты, иначе говоря, идеальные типы».

*Умберто Эко.
«Маятник Фуко»*

Глава 1

Когда он умудрялся найти немного свободного времени... когда Эдгар Вейдеманис был занят и не мог с ним пойти... когда он оставался один в Москве или в Баку... когда ему хотелось куда-нибудь выйти... когда он просто бывал в настроении... он отправлялся в ресторан, чтобы занять столик в углу и пообедать в полном одиночестве, читая газету или журнал, которые он предусмотрительно захватывал с собой.

Так было и на этот раз. Он выбрал привычный столик в углу, чтобы усесться спиной к стене и видеть всех входящих в зал. И сделал заказ официанту, попросив сомелье выбрать для него красное итальянское вино — «Баролло», из урожая девяносто седьмого года. Он не был обжорой, привычные физические нагрузки, которыми он до сих пор не пренебрегал, держали его в относительной форме, но гурманом он был, выбирал лучшие рестораны и самые отборные марки предложенных напитков.

Обедая в одиночестве, он старался не привлекать к себе внимания, хотя это было почти невозможно. При его баскетбольном росте в метр восемьдесят семь и весе за девяносто килограммов, при его широком развороте плеч и несколько насмешливом взгляде он не мог не обращать на себя внимание всех входивших в зал ресторана мужчин и женщин. Особенно женщин, которые сразу замечали и элегантный покрой его сшитых костюмов, и подобранные в тон светло-голубым рубашкам модные галстуки, и даже его обувь, которая всегда выглядывала из-за стола. И немудрено, при размере ноги в сорок шесть с половиной трудно было не обратить внимание на такую ступню.

Он привычно закрывался газетой, стараясь не смотреть в сторону входивших. Но это было практически невозможно. С одной стороны, ему просто было интересно анализировать, пытаясь вычислить, кто и с кем приходит в этот ресторан, а с другой — он просто не мог нормально обедать, держа в одной руке газету.

— Простите, — услышал он незнакомый голос, когда снова наклонился к тарелке, — я не совсем представляю, как к вам обращаться?

Он поднял голову. Перед ним стоял незнакомый мужчина лет шестидесяти, опиравшийся на палку. Короткая седая бородка, умный и доб-

рожелательный взгляд, открытое приветливое лицо, большой лоб.

— Можно просто Дронго. Меня обычно так называют, — отозвался он, поднимаясь из кресла. Стоявший был явно старше его по возрасту.

— Извините еще раз, — сказал незнакомец, — что отрываю вас от еды. Разрешите представиться — Валерий Петрович Оленев.

— Мы, кажется, не знакомы.

— Нет, не знакомы. Но я много о вас слышал, господин Дронго, от нашего общего друга полковника Демидова. Он рекомендовал мне обратиться именно к вам.

— Разумеется. Садитесь, Валерий Петрович. Будете есть или пить?

— Нет, спасибо. Только воду. Я случайно узнал, что вы любите обедать именно в этом ресторане. Вас видели здесь в прошлом месяце.

Оба собеседника уселись за столик.

— Значит, вы провели настоящее детективное расследование, — улыбнулся Дронго, — я не так часто здесь обедаю.

— В таком случае мне повезло, — улыбнулся в свою очередь Валерий Петрович. — Может, потому, что мне очень нужно было вас увидеть и с вами переговорить. Мне сказали, что вас вообще трудно найти в Москве. В последнее время вы чаще бываете либо в Баку, либо в Риме.

— И это верно, — согласился Дронго. — Если вы скажете, что вы частный детектив, я не удивлюсь.

— А почему не сотрудник органов? — спросил Оленев.

— Ваша палка, — пояснил Дронго, — и возраст. Для моих поисков из органов наверняка послали бы другого сотрудника. И не стали бы тревожить вас.

— Согласен, — кивнул Валерий Петрович. — Но вы даже не можете себе представить, как вы нужны нам.

— Тогда давайте по порядку. Кому — вам и почему я нужен?

Официант разлил минеральную воду в бокалы. Оленев отпил немного и поставил бокал на столик.

— Вы продолжайте есть, а я буду говорить, — предложил он. — Если я не ошибся, то вы известный эксперт по расследованию самых запутанных преступлений.

— Я обычный аналитик, — возразил Дронго, — и не уверен, что такой известный.

— Мы наводили справки, — ответил Оленев, — и поэтому решили обратиться именно к вам. Да и полковник Демидов тоже считает, что вы лучший специалист в делах подобного рода. Дело в том, что я работаю в небольшом изда-

тельстве. Может, вы слышали. Издательство Международного литературного фонда. Наш офис находится на Поварской, а само издательство функционирует в Переделкине. В писательском поселке.

— Нет, ничего не слышал.

— Наше издательство было организовано несколько лет назад, — продолжал Валерий Петрович. — Тогда мы решили, что мутный поток детективов, фантастики, разных мелодраматических и иных псевдоисторических произведений просто захлестнул наши книжные магазины. И решили наладить выпуск достаточно серьезной и рентабельной литературы.

— Удалось? — иронично осведомился Дронго.

— Не совсем. В первое время мы пытались держаться за счет классики. Но и она распродавалась неважно, не принося больших прибылей. А мы — издательство, существующее на принципах самоокупаемости. Пришлось отказаться от своих первоначальных принципов и начать выпуск литературы, которая может приносить конкретную прибыль.

— Проклятый капитализм, — притворно вздохнул Дронго. — Но я еще не совсем понимаю, какое отношение имеет ваше издательство ко мне? И почему вы искали именно меня?

— Сейчас объясню. Издательство у нас не-

большое и дружное. Рукописи в основном при-
сылают по почте. Разумеется, у нас нет времени
их рецензировать и отвечать всем желающим.
Вы же понимаете, какое количество графоманов
сегодня существует в одной только Москве.

— Только не говорите, что мне придется ис-
кать для вас какого-то графомана. Это не мой
профиль, уважаемый Валерий Петрович.

— Нет, нет, ни в коем случае. Я бы не стал
беспокоить вас из-за подобных пустяков. Хотя
некоторых графоманов действительно следует
искать, находить и выносить судебные решения
о запрете их публикаций на всю оставшуюся
жизнь. Но я понимаю, что этим должен зани-
маться не такой эксперт, как вы.

— Спасибо. Тогда чем именно должен зани-
маться я?

— Поисками убийцы, — вздохнул Валерий
Петрович, — и именно поэтому мы решили об-
ратиться к вам за помощью.

— Уже теплее. Давайте подробности.

— Все началось примерно семь месяцев на-
зад. Неожиданно мы получили рукопись, на ко-
торой не было обратного адреса. Только номер
«почтового ящика», по которому можно послать
ответ. Рукопись была достаточно «сырая», как
мы говорим в подобных случаях. Очень много
ненужных лирических отступлений, много дет-

ских воспоминаний, псевдофилософских размышлений о смысле жизни, излишние подробности — одним словом, чувствовалось, что это первый опус автора, который решил таким образом вступить в литературу. Такие рукописи есть в любом издательстве. Обычные сочинения начинающих. Чувствовалось, что некий молодой человек решил выплеснуть свой жизненный опыт на страницы рукописи. Хотя, судя по характеру записей, он должен быть не совсем молодым. Лет тридцать или тридцать пять. Мы бы не обратили внимания на эту рукопись, если бы не некоторые интересные психологические подробности, которые заметил наш главный редактор. Некая убедительность в деталях, если хотите, некая жизненная правда в рассуждениях автора о возможных преступлениях. Он словно пытался убедить самого себя, что имеет право на любое преступление.

— Кто у вас главный редактор?

— Юрий Михайлович Светляков. Может, вы читали его повести или романы? Он достаточно известный писатель, много публикуется в «Литературной газете». Очень интересный прозаик.

— Я читал его книги, — кивнул Дронго, — но не думал, что он работает в вашем издательстве.

— Уже пять лет. Он все время хочет уйти на «вольные хлеба», но мы его отговариваем. Вы

же понимаете, в каком мы положении. Где еще можно найти главного редактора с таким литературным именем?

— Понятно. Хотя мне до сих пор не совсем ясно, как ваша работа связана с моей.

— Примерно через три месяца мы снова получили рукопись. Разумеется, на первую мы не ответили и не выслали никакой рецензии. Мы просто не в состоянии откликаться на все рукописи, у нас небольшой штат сотрудников. Вторая была примерно такого же содержания, как и первая. Снова масса глубокомысленных рассуждений о праве человека на преступление, снова ненужные отступления, какие-то непонятные картинки детства. Несчастливая любовь автора, которая завершилась трагедией, его девушка погибает. Ну, в общем, подобные сюжеты есть почти в каждой рукописи. Сюжеты о неразделенной любви, о смерти кого-то из партнеров, о страданиях героя. В мире нет ничего нового. Все сюжеты давно придуманы нашими классиками.

— Считается, что в мире есть только двенадцать оригинальных сюжетов, — вспомнил Дронго, — а все остальное — пересказ этих основных сюжетов.

— Я слышал об этой теории, — согласился Оленев, — мы примерно размышляли так же. И поэтому не ответили и на вторую рукопись.

Обычные попытки автора привлечь внимание издателя натужным и явно выдуманым сюжетом. Через два месяца мы получили третью рукопись. И снова не было указано обратного адреса. Но номер «почтового ящика», по которому следовало отвечать, был идентичным. Однако в этот раз нас смутил стиль письма. Как будто за два месяца автор успел получить университетское образование. Совсем другие обороты речи, другие слова, другие выражения. Хотя общий смысл письма и стиль оставались похожими. Те же рассуждения, но уже в гораздо более симпатичной обработке. Эту рукопись читали у нас несколько человек, в том числе и я. И все обратили внимание на эти качественные изменения. Мы даже решили, что на этот раз нужно будет ответить автору и попросить его несколько сократить свою рукопись. Мы иногда позволяем себе издавать сборники повестей начинающих авторов. И они расходятся неплохо. Хотя я подозреваю, что их раскупают в основном родственники и друзья этих авторов. Но как бы там ни было, они раскупаются. И мы решили, что эту рукопись можно будет условно принять и начать работать над ней. Мы поручили одному из наших сотрудников ответить автору.

— Светляков читал третью рукопись?

— Конечно. И не только он, но и директор

издательства Феодосий Эдмундович Столяров. Он тоже достаточно опытный человек, доктор филологических наук, много лет проработал в Институте мировой литературы. Именно он предложил ответить автору и после соответствующей доработки включить повесть в сборник начинающих авторов.

— Вы послали ответ?

— Да. И почти сразу получили новую рукопись. Похожую на предыдущую. В ней неизвестный автор рассказывал, как он выехал в какой-то поволжский город, где и совершил свое первое преступление. Убил совсем молодую девушку. Эта рукопись была стилистически продолжением третьей, но в ней была масса таких деталей, которые заставляли верить автору. Вы знаете, как это бывает у гениальных писателей, когда веришь буквально каждому слову. Но этот автор явно не был гением, он всего лишь достаточно скрупулезно и точно фиксировал детали происходившего преступления, как будто лично участвовал в убийстве или наблюдал за ним.

— Вы не верите в силу слова?

— В силу подобного слова не верю. Автор явно не Шекспир и не Достоевский. Он либо начинающий и достаточно талантливый любитель, либо... мне даже страшно подумать об ином варианте. Но как бы там ни было, четвертая руко-

пись привлекла наше внимание. Детали, подробности, характерные особенности — одним словом, все было прописано очень ярко и убедительно. Мы решили, что нужно вызвать автора в издательство, чтобы заключить с ним договор. И совершенно случайно как раз в это время наша сотрудница Марина Сундукова вернулась из отпуска, она ездила на несколько дней к своей заболевшей родственнице. Это ее тетя, которая решила оставить ей в наследство свой дом. Именно поэтому Сундукова оказалась в эти дни в Саратове. Абсолютно случайно. А когда она вернулась в Москву, мы передали ей рукопись для редакторской правки. Можете представить ее реакцию, когда она прочла об убийстве семнадцатилетней девушки. Мы даже хотели вызвать врача. Оказывается, в Саратове как раз в эти дни произошло убийство девушки. И когда Сундукова начала читать рукопись, ее просто потрясло от ужаса.

— Это могло быть обычным совпадением, — возразил Дронго, — можете себе представить, какое количество убийств совершается по всей России и в скольких городах может произойти подобный случай.

— Слишком странные совпадения. Во-первых, поволжский город, а во-вторых, убийца указал, что на жертве была желтая блузка. Именно

на эту деталь обратила внимание наша Марина. Мы сразу решили передать копию рукописи в милицию.

— Что они вам сказали?

— Примерно то же самое, что и вы сейчас. Они просто отмахнулись от нашего обращения. Какой-то не очень серьезный капитан милиции объяснил нам, что подобные рукописи не могут рассматриваться в качестве доказательства преступления...

— Полагаю, что он прав, — заметил Дронго. — А на желтую кофточку вы не обратили его внимание?

— Обратили, конечно. Но он оказался еще и любителем гороскопов. Объяснил нам, что сейчас как раз год Желтой Крысы, и поэтому многие одеваются в желтый цвет или имеют в своем гардеробе какую-то деталь одежды желтого цвета. Вот и все...

— И вы сразу решили обратиться ко мне, чтобы найти возможного автора? Мне кажется, вы могли бы просто написать своему автору и попросить его связаться с редакцией. Графоманы очень тщеславны, они искренне верят, что создали очередной шедевр, и могут пойти на подобное сотрудничество.

— Мы решили вообще не связываться с ним и не печатать его рукопись, — признался Оле-

нев. — Сейчас я полагаю, что это было не лучшее решение. Но вы должны нас понять. В редакции работают в основном интеллигентные, миролюбивые гуманитарии, которым в принципе не нужны все эти криминальные разборки и расследования с возможным маньяком. Мы просто отложили рукопись, после того как отправили копию в милицию. Кстати, капитан пообещал все-таки провести проверку.

Но примерно неделю назад мы получили новую рукопись. На этот раз речь шла об убийстве совсем юной девушки, подростка четырнадцати лет. И снова очень неприятные, просто ужасающие подробности. На этот раз мы решили все проверить. Наш главный редактор обратился через знакомых в Информационный центр МВД, чтобы узнать, не произошло ли похожее преступление за последние несколько недель. Ответ нас просто поразил. В стране произошло больше сорока подобных преступлений, и более ста девушек просто куда-то исчезли. Мы даже не могли себе представить масштабы подобной преступности.

— Есть официальные данные, сколько тысяч людей пропадает по всей России и сколько миллионов пропадает по всему миру, — ответил Дронго. — Это не только беда России, хотя здесь она достигает ужасающих масштабов, но и всех

цивилизованных стран. Люди бесследно исчезают повсюду: от продвинутой Америки до организованной Японии, от многонаселенного Китая до малочисленной Исландии. Некоторых сбивают машины, они попадают в аварии, теряют сознание, не могут вспомнить, что с ними произошло. Удары грабителей при неожиданных нападениях, внезапные потери памяти, болезни, похищения, особенно в случае с молодыми девушками, — в общем, все, что угодно. Старые люди, выйдя из дома, не могут найти дорогу обратно, забывают свой адрес, не могут вспомнить даже своего имени.

— Я все понимаю, — кивнул Валерий Петрович, — но, когда все цифры собираются вместе, становится страшно. Мы уже не решились обратиться в милицию. На этот раз у нас просто не было ничего. Абсолютно ничего, никаких доказательств. Но Светляков позвонил в милицию своему знакомому криминалисту и рассказал ему нашу ситуацию. Тот посоветовал для начала передать все рукописи в их научно-исследовательский институт. Во-первых, психологи могут исследовать текст и определить, кто это писал — нормальный человек или шизофреник, а во-вторых, на рукописи могли остаться отпечатки пальцев возможного маньяка.

— Он хороший криминалист, — заметил